

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ROBERTO MANGABEIRA UNGER.
The Knowledge Economy (2019).

Verso, 2019. — 304 p. ISBN-13: 978-1788734974

Соколов Дмитрий Васильевич

ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия
d.v.sokolov.1985@yandex.ru

Концепция «экономики знаний» — одна из наиболее востребованных в современных социальных науках. Этим термином обычно описывается переход в индустриально развитых странах к новым формам экономического развития, основанным на цифровых технологиях и новых формах разделения труда, отличающихся от тех, что были характерны для экономики XX в. Но примечательно, что об экономике знаний чаще всего говорят экономисты и специалисты по высоким технологиям, что придаёт дискуссиям на эту тему некоторый оттенок профессиональных дебатов, хотя на самом деле знаниевая экономика по мере своего развития преобразует далеко не только трудовые отношения или спектр доступных людям технологий, но и многие другие аспекты общества, такие как право, образование и социальные нормы.

Именно об этой стороне экономики знаний в своей новой книге размышляет Роберто Мангабейра Унгер, известный бразильский правовед и философ, преподаватель Гарварда и один из наиболее влиятельных авторов «критической школы» права, возникшей в США к началу 1970-х гг. В своей новой работе Унгер показывает, как распространение экономики знаний поможет не только бороться с глобальным неравенством, но и даст возможность для устойчивого экономического роста, основанного на новых видах труда.

Главную мысль, пронизывающую всю книгу, Унгером излагает в первой же главе: экономика знаний — это наиболее передовой способ производства, способный радикально изменить человеческую жизнь, однако весь его потенциал остаётся скрытым от восприятия большинства людей, как в теоретическом, так и в практическом плане. Эта ограниченность связана именно с тем, что знаниевая экономика рассматривается в контексте наиболее известных её проявлений, таких как распространение цифровых технологий или новых способов организации труда. Но действительная преобразующая сила экономики знаний, как показывает Унгер, охватывает намного большие сегменты социальной реальности, и необходимо детально проанализировать это влияние, сделав его видимым — как для теоретиков, так и для практиков, работающих в сферах, связанных с экономикой знаний.

В начале книги (главы 2–5) Унгер проводит детальный анализ экономики знаний и её ключевых характеристик. Важно подчеркнуть, что его восприятие этого феномена носит не узко-экономический, а отчётливо правовой и этический характер: Унгер стремится показать, как перемены в структуре экономики порождают не только новые сферы занятости или области роста благосостояния, но меняют формы кооперации между людьми и создают

новые моральные нормы, носящие всё более отчётливо коммунитарный характер — причём как в развитых, так и в развивающихся странах, лишь отчасти затронутых развитием знаниевой экономики. Так, например, одно из важнейших последствий распространения цифровой экономики и гибких форм занятости — создание новых сетей доверия, основанных на безличном контакте. Унгер также показывает, как меняется социальное воображение, описывающее новые производственные отношения: вместо классических образов «офиса» или «фабрики» речь теперь идёт о сетях, состоящих из конкретных людей, часто не привязанных к фиксированному рабочему месту. Всё это стимулирует новые формы творческого мышления и организации трудового времени, намного менее жёсткие, чем в прошлом поколении, и обладающие высокой инклюзивностью (об особой роли этого понятия в книге будет сказано ниже).

Но знаниевая экономика, как постоянно подчёркивает Унгер, носит пока что ограниченный характер, её развитие сдерживается рядом факторов, которые анализируются в главах с шестой по десятую. Кроме того, у динамичного развития есть и обратная сторона, которая хорошо известна экономистам: речь идёт о широком распространении «прекариатного труда», т. е. непостоянных рабочих мест, не способных гарантировать долгосрочное экономическое планирование для многих людей, занятых в цифровой экономике. Эту проблему Унгер иллюстрирует через различие между опытом стран Северной Атлантики (США, Канада и страны Европейского Союза) и странами Латинской Америки. В первых профсоюзы долгое время выступали как защитники индивидуальных прав рабочих в переговорах с крупными компаниями, что позволяло уравнивать интересы труда и капитала. Во второй категории стран сложилась другая модель, где профсоюзы создавались автоматически и находились под эгидой государства (точнее, различных министерств в правительствах), что означало приоритет интересов крупных корпораций и невыгодные для многих рабочих условия труда. С развитием знаниевой экономики обе модели оказались подорваны: в североатлантических странах положение промышленных рабочих начало стагнировать, в то время как в латиноамериканском регионе начали стремительно возникать кластеры передовых технологий, поскольку спрос на дешёвую рабочую силу обеспечивали компании из США или Евросоюза. Унгер показывает, что глобализация, таким образом, может стать драйвером роста для развивающихся стран благодаря инклюзивности знаниевой экономики. В отличие от классического индустриального развития, ограниченного национальными рамками (при международном характере экономического обмена), развитие знаниевой экономики обеспечивается включением в неё всё новых и новых слоёв населения по всему миру. Иными словами, в то время как промышленность остаётся привязанной к конкретным условиям той или иной страны, знания и основанная на них экономика носят в принципе универсальный характер. Пока что прекариатность остаётся проблемой прежде всего развивающихся стран, но именно инклюзивность основанной на знаниях экономики может изменить эту ситуацию — при условии,

разумеется, взвешенной экономической политики, стимулирующей развитие новых форм занятости.

Ещё одно ограничение цифровой экономики, на которое указывает Унгер, он называет «псевдо-авангардизмом»: это использование новых технологий при сохранении старых способов производства. В качестве примера он приводит сбор и обработку массивов данных гигантскими корпорациями для более эффективного ведения бизнеса. Сами по себе эти новшества, как считает Унгер, не имеют прямого отношения к экономике знаний, поскольку здесь речь идёт о локальных инновациях при сохранении традиционных структур распределения товаров и услуг. Проблема псевдо-авангарда состоит в том, что крупные фирмы благодаря этим инновациям превращаются в монополии и препятствуют развитию более конкурентной среды, характерной для подлинной знаниевой экономики. Конечно, тенденция к образованию олигополий не является необратимой, однако она, несомненно, представляет собой одну из наиболее острых проблем, связанных с новым этапом развития глобализации.

После обзора характеристик знаниевой экономики Унгер переходит (главы 11–13) к описанию того, что развитие этого нового способа производства потребует от участвующих в нем государств. Центральное значение здесь приобретает инклюзивность: способность экономики знаний создавать и распространять новые рабочие места и технологии, а также оптимизировать привычные способы работы так, чтобы максимизировать благосостояние возможно большего числа людей в самых разных странах. Чтобы обеспечить эту инклюзивность, необходимо, по мнению Унгера, выполнить ряд важнейших предварительных условий, причём далеко не только экономических. Во-первых, речь идёт о трансформации образовательных систем, поскольку новая экономика требует новых когнитивных навыков. Во-вторых, необходимо преобразовать правовые основания и институты, мешающие развитию знаниевой экономики, чтобы защитить положение участвующих в ней людей. И, наконец, требуется широкая дискуссия о новых нормах, связанных с новыми формами экономической жизни, которые требуют большего уровня доверия и более высокой автономии от отдельно взятого индивида.

Заключительная часть книги (главы 14–19) посвящена политической экономике, связанной с распространением цифровых технологий, и демократизации экономического развития, основанного на знаниях. Унгер показывает, что расширение влияния знаниевой экономики потребует изменения в политике развитых стран по отношению к государствам с развивающейся экономикой, по мере того как будет возрастать их экономическое влияние. Здесь Унгер обсуждает также опыт Китая, одной из крупнейших стран, широко использующих высокие технологии, но в рамках авторитарной системы, где рыночная модель остаётся ограниченной политическим контролем со стороны государства и партии. Унгер отмечает, что китайский опыт построения передовой экономики носит крайне фрагментарный характер: многочисленные примеры локальных инноваций соседствуют с ограничениями, накладываемыми бюрократией, что порождает постоян-

ный источник напряжения в обществе в целом. Этот путь, разумеется, как пишет Унгер, может иметь право на существование в ближайшем будущем, но цена перехода к новому способу производства в Китае может оказаться очень высокой, особенно в отдалённой перспективе. Для стран с конкурентной политической моделью Унгер видит перспективы создания более гибкой государственной системы, способной оперативно отвечать на меняющиеся потребности населения. Это, конечно, не означает неизбежного успеха для всех стран, выстраивающих знаниевую экономику, однако альтернативой служит даже не китайский опыт ограниченных инноваций, а постоянная стагнация и ослабление влияния на международных рынках.